

Шан Вэньцин

**ОТРАЖЕНИЕ ЗАВЫШЕННОЙ САМООЦЕНКИ
В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Отношение к людям и определение своего места в обществе входит в систему нравственных измерений человека, поэтому завышенная самооценка, которая на лексическом уровне номинируется словами *заносчивый, чванливый, спесь, высокомерный* и др., является фактором, привлекающим внимание говорящих. Она влечет за собой определенные последствия, подлежит оценке носителями языка и культуры – преимущественно негативной – и способствует формированию в культуре стереотипных представлений, принимающих форму пословичных обобщений, о поведении и психологии самоуверенных людей.

Анализ массива русских пословиц на фоне китайских с точки зрения выражения в них семантики завышенной самооценки, реализуемой разными средствами, позволяет увидеть расхождения и совпадения в стереотипных представлениях и способах их вербализации. В статье приводятся 7 подгрупп русских паремий, выделенных в соответствии с выражаемыми ими лингвокультурными установками, часть из которых вербализуется и в китайском языке. Вместе с тем несомненны различия в пословицах двух народов, состоящие в отсутствии некоторых представлений у одного из них.

Ключевые слова: *завышенная самооценка, спесь, высокомерие, пословицы, русская и китайская картина мира, лингвокультурные установки.*

Shang Wenqing

**REFLECTION OF OVERESTIMATED SELF-ESTEEM
IN RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS: LINGUOCULTURAL ASPECT**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The attitude towards other people and the determination of one's place in society are included in the system of human moral measurements, therefore, overestimated self-esteem, which is lexically nominated by the words *arrogant, snooty, conceited, hubris*, etc., is a factor that attracts the attention of speakers. It entails certain consequences, is subject to assessment by native speakers of a language and culture – mostly negative – and contributes to the formation in culture of stereotypical ideas about the behavior and psychology of self-confident people, which takes the form of proverbial generalizations.

The analysis of the Russian paremiology against the background of the Chinese paremiology in terms of expressing the semantics of overestimated self-esteem, which is verbalized by different means, makes it possible to see differences and similarities in stereotypical notions and ways of their verbalization. The article presents 7 subgroups of the Russian paremiology, distinguished in accordance with the linguocultural ideas expressed by them, some of which are also verbalized in Chinese. At the same time, there are undoubted differences in the proverbs of the two peoples, consisting in the absence of some ideas expressed by proverbs.

Keywords: *overestimated self-esteem, hubris, arrogance, proverbs, Russian and Chinese picture of the world, linguocultural ideas.*

Введение. Одной из базовых ценностей общества, выработанных общественной практикой, является ценность межличностного общения, возможность которого определяется доброжелательностью, бескорыстием, общечеловеческим взаимодействием, уважением к личности [17, с. 65]. При выборе способа общения с окружающими людьми индивид опирается на социально-детерминированные модели поведения, входящие в понятие социальной нормы, а пренебрежение к одобренным обществом образцам поведения, переход границ допустимого воспринимается как нарушение общечеловеческих норм. Важную роль при этом играет связь характера и поступков конкретного индивидуума с системой отношений в социуме, степень его интеграции в социокультурное пространство человеческого мироустройства (свой – чужой, норма – не норма), что отражается в воспитании, уровне культуры, «специфике интернализации духовных и нравственных ценностей общества в моральных и нравственных качествах личности» [7, с. 130].

Подчеркивая важность регулятивных концептов – ментальных образований, связанных с нормами поведения [2], [10], В. И. Карасик включает в кванты ценностной картины мира концепты, в содержании которых зафиксированы нормы – предписания и запреты – применительно к определенным ситуациям («вежливость», «сочувствие», «жадность», «настойчивость» и др.) [8, с. 116].

Актуальность исследуемой проблемы. Представление в обществе о конкретном человеке складывается, как известно, из его манеры поведения, социальных действий (совершаемых поступков и высказываний), привычек и интересов и т. д. При этом характеристика многих качеств индивида на лексическом уровне дается в итоге наблюдения за ним во взаимодействии с другими – через соотнесение с социально-санкционированными поведенческими стереотипами и выявлением степени соответствия / несоответствия им.

Социальное поведение человека – это деятельность, предполагающая личностно значимые социальные результаты, «социальное вознаграждение (в широком смысле этого слова)», которым могут быть признаны слава, власть, деньги, комфорт, уважение – любое «благо», социальное по своему результату [12, с. 8], т. е. полученное в результате деятельности в обществе. Этим во многом объясняется проявление в характере и поведении человека такой яркой черты, как самомнение, самооценка, основанной на представлении о своих заслугах, превосходстве, вербализуемых в языке словами *самоуверенность, амбиции, апломб, зазнайство, гордыня, тщеславие* и др. За словами, называющими эти свойства и трактуемыми с помощью лексем *слишком, чрезмерно, чересчур* и т. п., стоит представление о «превышении допустимого уровня какого-либо в принципе нежелательного свойства» [13, с. 373]. На проявления субъектом высокой оценки себя и своих достоинств указывают и такие слова, как *спесь (спесивый), чванство (чваниться), похвальба (бахвал, хвалиться и др.), зазнайство (зазнаваться, зазнайка)* и т. д.

Если обратиться к понятию «самоуверенность», представленному в словарях существительным *самоуверенность* и прилагательным *самоуверенный*, то семантика чрезмерности отмечена и в толковом словаре С. И. Ожегова (*самоуверенный* – «слишком уверенный в самом себе, в своей непогрешимости» [14, с. 568]), и Д. Н. Ушаковым (*самоуверенный* – «всецело полагающийся на себя, высоко оценивающий свои силы» [19, с. 42–43]), и в словаре под ред. С. А. Кузнецова: *самоуверенность* – «1. Излишне уверенный в себе, в собственных силах, возможностях. 2. Выражающий полную уверенность в себе» [4, с. 1146].

В справочнике «Основы духовной культуры» *самоуверенность* понимается как «слишком большая уверенность в себе, придание своему «я» чрезмерного значения. При этом данное качество сопровождается эгоизмом, безразличием к людям, пренебрежением ими, бахвальством, честолюбием [3, с. 797–798].

Таким образом, анализ словарных дефиниций слова *самоуверенность* позволяет выделить понятийные составляющие, актуализированные в виде следующих семантических

компонентов: 1) уверенность в себе, полагание на свои силы и возможности; 2) переоценка своих сил и возможностей; 3) похвальба, апломб, гордыня.

Материал и методы исследования. Как словарные определения, так и паремиологические единицы (ПЕ) показывают важность параметра трезвой оценки субъектом себя и своих явных или мнимых достоинств – особенно на фоне других, что определенно влияет на характер взаимоотношений между людьми, поскольку возвышение себя нередко явно или косвенно указывает на недооценку других, их принижение. Неслучайно в библейских изречениях зафиксированы такие проявления христианских заповедей, характеризующие «нравственные взаимоотношения с другими», как ПЕ *Не хвали сам себя, есть лучшие тебя; Спесивый высоко взлетает, да низко падает* и др. [15, с. 142]. С психологической точки зрения, самоуверенность тесно связана с «феноменом самоутверждения», основу которого составляет чувство неполноценности и «вырастающее на его основе стремление к превосходству», достигаемое за счет самовозвеличивания и подавления других; таким личностям свойственна самоуверенность [16, с. 140–142]. Неслучайно подобные проявления в поведении людей отмечаются в многочисленных пословицах – как в виде описываемых ситуаций, нуждающихся в трактовке, так и в виде вынесенных из них суждений.

Об актуальности подхода, ориентированного на выявление сходств и различий в видении окружающего мира носителями разных языков и культур, свидетельствуют труды, подтверждающие идею значительного своеобразия этномаркированной ментальности (например, [1], [18] и др.).

В результате анализа почерпнутых нами из [6], [20], [21], [22] 58 русских и 40 китайских ПЕ о проявлениях завышенной самооценки человека и отношении к ней со стороны других людей были выделены несколько разрядов единиц в соответствии с выражаемой в паремии лингвокультурной установкой, под которой понимается, по В. А. Масловой, вырабатываемое на протяжении исторического пути, проходимого народом, и откладывающееся в социальной памяти представление (идея), в соответствии с которой «личность квалифицируется как “достойная / недостойная”» [11, с. 50].

Цель данной работы – выявление важных для носителей русского и китайского языка и культуры стереотипных представлений, вербализуемых в ПЕ и характеризующих завышенную самооценку человека, и используемых для этого образно-выразительных средств.

Результаты исследования и их обсуждение. Многие из слов, названных нами выше, являются компонентами русских пословиц и поговорок, характеризующих поведение человека, уверенного в своих особых достоинствах, проявляющего высокомерие. В ряде выражений (подгруппа 1) лишь **констатируется проявление в поведении порицаемой черты**: *Так зазнался (кто-л.), что и черту не брат; Рыжий да плешивый – люди спесивы; Приказано вам кланяться, да не велено чваниться; Не кичись, лучше в ножки поклонись!* и др.

Среди ПЕ, характеризующих человека с высоким самомнением, четко выделяется группа единиц, в которых **представление о высокомерном человеке реализуется через понятие высоты** как символа завышенной самооценки – в идиомах (*смотреть <на людей> с высоты своего величия; с земли шестом не достигнешь / не достанешь* (до кого-л.); *возноситься до небес*). Представление о высоте обнаруживается и в обороте *приступа нет* (к кому-л.), в основу которого положен образ высоко поднятой головы: при таком положении трудно видеть как собеседника, окружающих, так и то, что находится внизу (даже собственные ноги – ср.: *Ног под собой не чувствует*). Невозможность (нежелание) видеть кого-либо рядом или наравне с собой порождает семантику высокомерия, возвышения себя над другими.

Нос, выступая как метонимическое замещение человека вообще, является «знаком границы внутреннего пространства человека» [5, с. 238–239], и, следовательно, поднятый нос в выражениях *задирать / поднимать <кверху> нос; Нос поднял, а сапоги на посохе* можно рассматривать как указание на нарушение пределов отведенного пространства.

В иных поговорках, помимо устремленного ввысь взгляда, показана – за счет единиц телесного кода – поза заносчивого человека: шутол., ирон. *Руки в боки, глаза в потолок; Руки фертотом в боки, ноги прописным азом*. Символом зазнайства служит и заломленный по-особому колпак (*Ходит Ермак, заломя колпак – гордый*). По свидетельству М. Л. Ковшовой, головные уборы как знаки костюмного кода участвуют в выражении социально-иерархической семантики – роли и значимости в социуме [9].

Помимо характеристики человека как проявляющего спесь, поговорки указывают в форме насмешливого порицания **на отсутствие оснований для гордыни**. С одной стороны, они говорят (подгруппа 2) о несоответствии **амбициозного поведения, показного благополучия, достатка, достоинства реальному положению вещей**, о котором говорящим известно: *На грош амуниции, а на рубль амбиции; Денег ни шиша, зато походка хороша; Шапка в рупь, а суп без круп* и др.

С другой стороны, ПЕ, реализующие представление о высоте как символе претензий, показывают возможную **недолговечность «величия»**, прогнозируют «падение» (подгруппа 3): *Высок каблучок, да подломился набочок; Спесивый высоко мостится, да низко садится; Летала птишка высоко, да села недалеко; Водяной пузырь недолго стоит*.

При этом **высокомерие** порицается (подгруппа 4) и **как проявление недалекости, глупости**: *Гордым быть – глупым слыть; Спесь не ум; Порожний колос высоко голову держит; Пустой человек нос кверху дерет; Пустая бочка громче гремит; Худое колесо пуще скрипит* – именно тот, у кого нет явных достоинств, кому нечем выделиться, выпячивает себя. Образ пустоты в голове осмысливается в русских ПЕ как глупость, несерьезность (ср.: *пустой человек* – никчемный, *Два фонаря на пустой каланче* – красивые глаза, да пустая голова) – тем отчетливее контраст между попыткой привлечь к себе внимание и отсутствием для этого оснований. Ср.: *Чванство не ум, а недоумье* (т. е. нехватка ума).

Одной из вербализуемых во фразеологии установок является настоятельная **рекомендация отказать от чрезмерных претензий** на свое особое положение **в силу фактического равенства с другими** (подгруппа 5). Ср. ПЕ, в которых на это указывается с помощью единиц пищевого и растительного культурных кодов: *Не чванься, квас, не лучше нас; Не хвались, горох, не лучше бобов*. Яркая ироническая пренебрежительная окраска характеризует выражение *Прочь, грязь, навоз едет*. В ряде ПЕ образно развертываются обстоятельства, при которых может осуществиться неприглядная перспектива уравнивания с другими: *Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь, и сам лопнешь* ('не насмехайся'); *Не смейся, горох, над нами (над бобами): будешь и ты под ногами*. Идея напрасности гордыни реализуется с использованием и иных фольклорных мотивов: *Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утонул; а мы гордимся – куда годимся?* Неприемлемость заносчивости подтверждается и выражением *Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать*.

Чванство, спесь воспринимаются как поведение, недостойное человека и **связываемое с наущением нечистой силы** (*Ему диавол чванством кафтан подстегал; В убогой гордости дьяволу утеха; Во всякой гордости черту много радости*). Негативная оценка гордыни передается и через образ человека, соперничающего с чертом: *Он и черту не здравствует; Так зазнался, что и черту не брат*.

С помощью разных образов реализуется в поговорках (подгруппа 6) идея о **недостижимости желанного положения** по причине **отсутствия необходимых для этого условий**: *Как ни дуйся лягушка, а до вола далеко; Не ломайся, овсяник, не быть калачом (киселем); ср.: Поешь овсяничка на место пряничка* (овсяник – хлебец из овсяной муки).

Отдельную подгруппу составляют ПЕ (подгруппа 7), которые служат **предостережением относительно негативных последствий завышенной самооценки**: *Спесь не к добру ведет*. К числу нежелательных перспектив гордыни относятся: низвержение с высоты, утрата статуса (*Гордый покичился, да во прах скатился*), неприглядный вид

(*Выше носа плюнешь, себя заплюнешь; Кверху плевать – свою бороду заплевать; Себя жалеючи, кверху не плюй*). Здесь очевиден намек на пренебрежительное отношение к другим людям, выражаемое нередко глаголом (*на*)плевать. Предупреждением служит указание и на иные неприятные последствия высокомерия: *С высока полета вскружится голова; Спесивый дома обедает* (в гости не зовут); *Заносчивого коня построже зануздывают*.

В китайском языке поговорки о проявляемых человеком гордыне, самодовольстве, чванстве и их оценке весьма многочисленны, а интерпретации такой модели поведения разнообразны. Большое значение придается в китайской культуре, например, скромности, противопоставляемой надменности, зазнайству – многие единицы этой группы построены по характерному для китайских ПЕ принципу антитезы: *虚心人万事做成, 骄傲人十事九空* (букв. 'Быть скромным – значит совершить тысячи дел, быть гордецом – неудачно осуществить девять дел из запланированных десяти'), *满招损, 谦受益* ('Самодовольство / гордость наносит ущерб, скромность пожинает плоды' и т. д.

Многие из лингвокультурных установок, вербализованных в русском языке, зафиксированы и китайскими ПЕ, что говорит об общности взгляда на завышенную оценку человеком самого себя и принижение других.

Так, совпадают следующие идеи и представления:

– **о негативных последствиях для заносчивого, спесивого:** *傲气大了栽跟头, 架子大了没人理* («Чрезмерно надменный человек полетит вверх тормашками»), *见人不施礼, 多走二十里* («Спрашивая дорогу, не поклонись людям – пройдешь лишних двадцать километров», т. е. спесивец не найдет верного пути), *人狂有祸, 狗狂豹子拖* («Наглость и гордость приносят человеку беды», «заносчивую собаку схватит леопард») – и о том, что и **зазнавшийся может оказаться в неприглядной ситуации:** *马上摔死英雄汉, 河中淹死会水人* («Герой может умереть, упав с лошади, искусный пловец может утонуть в реке» – никто не застрахован от промахов и падений);

– **о глупости, невежестве как причине непомерной гордыни:** *傲慢是无知的兄弟* («Амбиции невежеству брат»), *骄者愚, 愚者骄* («Только невежа и грубиян может кичиться и зазнаваться»);

– **об отсутствии оснований для гордыни, спеси, недооценки окружающих ввиду очевидного сходства (равенства) с ними:** *蝙蝠不自见, 反笑梁上燕* («Летучая мышь себя не видит и смеется над ласточкой, которая сидит на балке»), *老鸭说猪黑, 自丑不觉得* («Ворона насмеяется над черной свиньей, не считая себя некрасивой») и др.

При этом в двух языках обнаруживаются близкие способы образного выражения определенной установки. Так, представление о пустоте / наполненности используется в ПЕ обоих языков, связывающих зазнайство с недалекостью; ср. кит.: *鼓空声高, 人狂语大* («Пустой барабан звучит громко, сумасброд бахвалится»), т. е. выставляет себя пустой человек); *饱谷穗头往下垂, 瘪谷穗头朝天锥* (букв. 'Полный колос голову вниз клонит, а пустой колос голову носит к небу') и т. д.

С другой стороны, нами отмечены характерные для китайских ПЕ способы вербализации представлений, отражающих народную мудрость, – например, параллелизм – повторение высказанной в ПЕ идеи образно-наглядными средствами; ср.: *人怕出名猪怕壮* («Человек боится славы, т. к. остерегается падения; а свинья боится потолстеть – тогда ее отведут на убой»); *人不知自丑, 马不知脸长* («Человек не знает о своем уродстве, лошадь не печалится о вытянутой морде») – об отсутствии объективности в оценке себя, и др.

В обеих лингвокультурах актуализируется представление о высоте как символе высокомерия, спеси (ср. компоненты *высокий, высоко, взлететь, недосыгнуть, возноситься* и др.), однако в русских ПЕ чаще встречается образ поднятого носа, а в китайском языке – представление о взгляде, о глазах: *昂首望天* («Задирать голову кверху; возводить глаза

к небесам» – обращать взор вверх, не замечая окружающих); 目无余子 («В (его) глазах нет других людей» – он не воспринимает других всерьез); ПЕ 眼睛长在额角上 («Глаза у человека находятся на лбу» – с высокомерием смотреть на человека без богатства и власти).

В приведенной ниже таблице 1 представлены установки, которые, присутствуя в одном языке, не обнаружены в другом и поэтому отмечены нами как национально-маркированные.

Таблица 1

Лингвокультурные установки, отсутствующие в одном из языков

Лингвокультурные установки русских паремий	Лингвокультурные установки китайских ПЕ
Восприятие <i>спеси как черты, ассоциируемой с нечистой силой</i> : Так зазнался (кто-л.), что и черту не брат	<i>Похвальна скромность, противопоставленная гордыне, спеси</i> : «Если человек относится к другим тепло, его ожидает счастье и удача; заносчивого человека ожидает беда»
<i>Амбиции необоснованны, если отсутствуют необходимые для этого условия</i> : Не ломайся, овсяник, не быть калачом	<i>Разительно отличающийся от других человек</i> вызывает зависть, осуждение, неприятие и <i>может пострадать</i> : «Стреляют по той птице, что выставляет голову»
<i>Амбициозное поведение нередко основано на показном благополучии, достатке</i> : На грош амуниции, а на рубль амбиции; Чванства на сто рублей, а животов на три полушки	Завышенная самооценка связана с <i>отсутствием у человека трезвого взгляда на свои слабые стороны</i> : «Осел не знает о своем уродстве, обезьяна не брезгует своим худом лицом»; «(Его) глаза не видят своих ресниц» – так уверен в себе, что не видит своих недостатков
<i>Основания для высокомерия, зазнайства недолговечны</i> : Летала птишка высоко, да села недалеко; Высок каблучок, да подломился набочок	<i>Высокомерный человек воспринимает себя как самого достойного</i> : «В (его) глазах нет других людей»; «Исходя из своих способностей, пренебрегать всеми остальными»
<i>Смешны непомерные амбиции на фоне очевидной нехватки средств</i> : Денег ни шиша, зато походка хороша	<i>Причиной заносчивости может стать единоряды полученное преимущество</i> : «Победив, кошка считает себя круче тигра»
	Завышенная <i>самооценка, зазнайство видится в демонстрации своих способностей перед мастером</i> : «Человек перед воротами Лу Баня играет топором», т. е. хвастает своим искусством перед умельцем

Выводы. Таким образом, русские паремии – как с прямой номинацией высокомерия и спеси в поведении человека (*На грош амуниции, а на рубль амбиции*), так и с косвенно-образным выражением семантики завышенной самооценки (*Высок каблучок, да подломился набочок; Водяной пузырь недолго стоит*) – характеризуют, как правило, подобные проявления в поведении человека как негативные. ПЕ, разнообразные по структуре и способу передачи идеи, выполняют разные прагматические задачи: служат для констатации чванства, кичливости, но также используются как форма предупреждения о возможных последствиях такого поведения в социуме, для урезонивания и высмеивания (*Не ломайся, овсяник, не быть калачом; Шире, грязь, навоз едет*). Обнаруженные нами лингвокультурные установки весьма разнообразны – от идеи восприятия окружающими проявлений гордыни и заносчивости как глупости (в выражениях *Пустой человек нос кверху дерет, Гордым быть – глупым слыть*) до выражения недоверия человеку, который, будучи таким же, как все, старается пустить пыль в глаза своими мнимыми достоинствами (*Не чванься, квас, не лучше нас*), а эта иллюзия недолговечна (*Не смейся, горох, над бобами: будешь и ты под ногами*).

Китайские представления носителей языка и культуры о заносчивом, высокомерном поведении также отличаются разнообразием вербализуемых в ПЕ лингвокультурных установок, многие из которых обнаруживают сходство с выявленными нами в русской паремике –

например, идея негативных последствий завышенной самооценки, восприятие чванства как глупости, перспектива лишиться из-за спесивого поведения доверия, отсутствие, как правило, оснований для амбиций ввиду ординарности характеризуемого субъекта и проч.

Выявленное сходство между единицами двух языков свидетельствует об общности в оценке чрезмерного самомнения человека, проявление которого расценивается в социуме как нарушение негласных норм сосуществования. Обнаруженные ощутимые расхождения в лингвокультурных установках и формирующих их образно представленных в ПЕ ситуациях объясняются своеобразием культур: принятой в Китае почтительностью к Учителю, признанием скромности как одного из важнейших достоинств человека, с другой стороны – фольклорным восприятием негативных черт русского характера как связанных с нечистой силой, высмеиванием непомерных амбиций на фоне очевидной бедности и т. д. Наличие подобных расхождений несомненно – даже при ощутимой общности взглядов – доказывает самобытность каждой из культур, проявляющуюся в паремиологических единицах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешин А. С., Зиновьева Е. И.* Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 2. – С. 288–300.
2. *Бабаева Е. В.* Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград : Перемена, 2003. – 171 с.
3. *Безрукова В. С.* Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 937 с.
4. Большой толковый словарь русского языка: А – Я / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
5. *Гудков Д. Б., Ковишова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
6. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 2-х т. – М. : Художественная литература, 1989.
7. *Зиганишина Г. Х.* Концепт «характер человека» через призму сегодняшнего дня // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 1. – С. 125–132.
8. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
9. *Ковишова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры. – М. : Гнозис, 2015. – 368 с.
10. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
11. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
12. *Наумова Н. Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М. : Наука, 1988. – 197 с.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 1488 с.
14. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.
15. Паремология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
16. *Перевозчикова Л. С.* Конструктивное самоутверждение личности как философская проблема // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 1. – С. 138–146.
17. *Радугин А. А., Радугин К. А.* Социология : курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Центр, 2003. – 224 с.
18. *Селиверстова Е. И., Чэнь Вэйцзя.* Этномаркированные представления о пользе и вреде лжи в русских и китайских пословицах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 167–175.
19. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
20. 汉语谚语歇后语俗语分类大词典. 汉语谚语歇后语俗语分类大词典编写组编. 呼和浩特 : 内蒙古人民出版社, 1988年951页. (Классификационный словарь китайских пословиц поговорок и идиом. – Хух-Хото : Изд-во «Внутренняя Монголия», 1988. – 951 с).
21. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海辞书出版社, 2011年1130页. (Уэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай : Шанхайское словарное издательство, 2011. – 1130 с.).

22. 郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008年781页. (Чжэнь Хунфэн; Цзян Жуйлян. Пословицы китайского языка. – Пекин: Книжный дом «Сяньчжуань», 2008. – 781 с.).

Статья поступила в редакцию 17.11.2020

REFERENCES

1. Aleshin A. S., Zinov'eva E. I. Stereotipnoe predstavlenie o kote i koshke skvoz' prizmu komparativnykh frazeologizmov russkogo i shvedskogo yazykov // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. – 2019. – № 2. – S. 288–300.
2. Babaeva E. V. Konzeptologicheskie karakteristiki social'nykh norm v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah. – Volgograd: Peremena, 2003. – 171 s.
3. Bezrukova V. S. Osnovy duhovnoj kul'tury (enciklopedicheskij slovar' pedagoga). – Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2000. – 937 s.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A – Ya / sost., gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 2000. – 1536 s.
5. Gudkov D. B., Kovshova M. L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju. – M.: Gnozis, 2007. – 288 s.
6. Dal' V. I. Posloviy russkogo naroda: v 2-h t. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1989.
7. Ziganshina G. H. Koncept «karakter cheloveka» cherez prizmu segodnyashnego dnya // Vestnik Bashkirskougouniversiteta. – 2013. – № 1. – S. 125–132.
8. Karasik V. I. Yazykovaya matrica kul'tury. – M.: Gnozis, 2013. – 320 s.
9. Kovshova M. L. Semantika golovnoho ubora v kul'ture i yazyke: kostyumnyj kod kul'tury. – M.: Gnozis, 2015. – 368 s.
10. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopotavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij. – M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. – 512 s.
11. Maslova V. A. Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. – M.: Izd. centr «Akademiya», 2001. – 208 s.
12. Naumova N. F. Sociologicheskie i psihologicheskie aspekty celenapravlennoho povedeniya. – M.: Nauka, 1988. – 197 s.
13. Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod red. Yu. D. Apresyana. – 2-e izd. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 1488 s.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Az", 1994. – 907 s.
15. Paremiologiya bez granic / pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinov. – M.: RUDN, 2020. – 244 s.
16. Perevozchikova L. S. Konstruktivnoe samoutverzhdenie lichnosti kak filosofskaya problema // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – 2007. – № 1. – S. 138–146.
17. Radugin A. A., Radugin K. A. Sociologiya: kurs lekcij. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Centr, 2003. – 224 s.
18. Seliverstova E. I., Chen' Vejczya. Etnomarkirovannye predstavleniya o pol'ze i vrede lzhi v russkih i kitajskih poslovicah // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennoho pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 3(103). – S. 167–175.
19. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' sovremennoho russkogo yazyka. – M.: Adelant, 2014. – 800 s.
20. 汉语谚语歇后语俗语分类大词典. 汉语谚语歇后语俗语分类大词典编写组编. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 1988年951页. (Klassifikacionnyj slovar' kitajskih poslovic pogovorok i idiom. – Huh-Hoto: Izd-vo «Vnutrennyaya Mongoliya», 1988. – 951 s.).
21. 温端政. 中国俗语大辞典. 上海辞书出版社, 2011年1130页. (Uen' Duan'chzhen. Bol'shoj slovar' kitajskih poslovic. – SHanhaj: SHanhajskoe slovarnoe izdatel'stvo, 2011. – 1130 s.).
22. 郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语. 北京: 线装书局, 2008年781页. (CHzhen' Hunfen; Czhan ZHujlyan. Posloviy kitajskogo yazyka. – Pekin: Knizhnyj dom «Syan'chzhuan'», 2008. – 781 s.).

The article was contributed on November 17, 2020

Сведения об авторе

Шан Вэньцин – аспирант 2 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: 18862001681@163.com

Author information

Shang Wenqing – Second-year Post-graduate Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: 18862001681@163.com